

фантастическая  
история



Алексей Фомин

# Время московское

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

фантастическая  
*история*



МОСКВА, 2011

фантастическая  
история



Алексей Фомин

# Время московское

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

## ОТ АВТОРА

Эта книга не научный экскурс в историю Средних веков. Ни в коем случае! Хотя большинство персонажей романа — реально существовавшие люди. И не просто люди, а, можно даже сказать, герои и титаны русской истории.

Но любой роман — прежде всего фантазия автора. Он задумывается, рождается, растет и развивается, следуя своей собственной внутренней логике, зачастую имеющей мало общего с логикой развития реальной истории. Даже Л. Н. Толстого знатоки наполеоновских войн укоряли за неточности, несоответствия, а порой и противоречия, допущенные им в «Войне и мире» — этом величайшем романе всех времен и народов. Что уж тогда говорить обо мне, грешном... Тем более что мир, в который я поселил своих героев, — это мир «новой хронологии» академика Фоменко.

Вполне возможно, что как официальные историки, так и специалисты по «новой хронологии» найдут массу поводов для того, чтобы уличить автора в искажении «исторической действительности». Но, повторюсь, это не научный труд, это — роман, плод моей фантазии, и герои его живут и действуют не столько в мире истории, сколько в мире приключений. И да простят меня суровые критики, если моя фантазия порой покажется им слишком буйной.

Итак, добро пожаловать в миры «новой хронологии». Эти миры ничуть не лучше и не хуже любого другого из миров, выдуманных авторами фантастических романов. И прошу вас, уважаемый читатель, именно так к ним и относиться. Надеюсь, что вы полюбите моих героев и с удовольствием и интересом, из книги в книгу, будете внимательно следить за их приключениями.

Кто управляет прошлым, тот управляет будущим;  
Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым.  
*Джордж Оруэлл*

## ПРОЛОГ

Сопровождающий закрыл за собой дверь, и Виталий Голиков остался в полном одиночестве, если, конечно, не считать человеческий череп на столе, ощерившийся в грустной улыбке. По обе стороны от него стояли подсвечники с горящими свечами, а перед черепом — тоненькая стопка бумаги и бронзовая чернильница с торчащим из нее гусиным пером. Виталий прошелся по комнате, заглянул за стол и, увидев открытый гроб, заполненный костями, усмехнулся, подумав: «Небось ради этого пришлось обчистить всю анатомичку в Первом меде».

Вообще-то комнатка была еще та. Стены и пол — черные-пречерные, как в детской страшилке, которую мальчишки и девчонки, сидя ночью у костра, пересказывают друг другу зловещим шепотом. Гроб, человеческие останки — все это должно было, видимо, навести соискателя на мысли о бренности человеческого бытия и неизбежности смерти. Но у старшего лейтенанта ФСБ, неоднократно видевшего реальную, а не бутафорскую смерть, эти атрибуты не могли вызвать ничего, кроме усмешки.

Виталий присел за стол, пододвинул к себе бумагу и, вынув перо из чернильницы, попробовал написать на листе заголовок. Но... чернильница оказалась пуста. Такой же муляж, как и все остальное в этой комнате. Тогда он достал из кармана свою авторучку и бисерным почерком, строка за строкой, принялся быстро заполнять лист. Текст он заранее заучил наизусть и теперь писал, не думая, — что называется, на автопилоте. В голове зароились обрывки каких-то дурацких, совершенно не соответствующих важности и торжественности момента мыслей. Потом почему-то всплыла картинка из далекого детства и заслонила собой все остальное.

Отец, вернувшийся с работы, пытается что-то объяснить, виновато улыбаясь. Мать с истерической ноткой в голосе причитает:

— Ты чё? Не можешь тряхнуть этого Мельника? Третий месяц, сволочь, зарплату задерживает!

— Люсь, ну чё ты... Как все, так и мы...

— Как все, да? Как все? А на базаре с тряпками ты стоишь, да? От людей стыдно уже! Чё я, как базарная какая, должна там... Мне, думаешь, хорошо там? На базаре-то? А? У Витальки уже весь пуховик полез, а ты — чё, чё...

Картинка получилась такой живой и красочной и настолько полно заняла все сознание Виталия, что поток заученного текста, только что щедро изливавшийся на бумагу, вдруг пресекся и Виталий, до того спокойный и уверенный в себе, испугался и запаниковал. Он безуспешно рылся в своей памяти, пытаясь разыскать ускользнувшую нить зазубренного текста, когда в комнату вошел сопровождающий и принялся задавать вопросы. Ответы на них выплывали откуда-то из глубин подсознания, и Виталий выпалил их, даже не вдумываясь в смысл произносимых слов. Сопровождающий, произнеся короткую речь о целях общества, вышел, и текст завещания вдруг вспомнился сам собой. Виталий вновь успокоился, быстро дописал завещание и, не дожидаясь поручителя, принялся раздеваться. Он снял пиджак, галстук и выложил на стол часы, перстень, бумажник, зажигалку и мелочь, завалявшуюся в карманах. Расстегнув рубашку, он обнажил левую сторону груди, после чего снял левый ботинок и закатал правую штанину и правый рукав рубашки.

Вскоре в комнату вошел поручитель и, увидев уже приготовившегося к дальнейшему прохождению обряда Виталия, задал вопрос о твердости его намерения вступить в общество. Получив утвердительный ответ, он надел ему на шею веревочную петлю, свободный конец которой забросил ему за спину, закрыл глаза бархатной повязкой и, приставив к его обнаженной груди кинжал, повел Виталия из комнаты. Они долго шли какими-то коридорами и переходами, один раз даже пришлось преодолеть несколько ступенек. Виталий споткнулся, но поручитель успел его поддержать, однако при этом он умудрился проколоть ему кожу на груди своим кинжалом. И теперь Виталий чувствовал, как по его животу мед-

ленно ползет вниз горячая кровяная капля. Наконец его привели в комнату, где он услышал шепот многих голосов. Его поставили и, взяв за правую руку, положили ее на что-то. В левую ему дали циркуль и велели приставить его к груди, после чего властный голос спросил:

— Веруешь ли ты в Бога?

— Да!

— Разделяешь ли ты цели Братства?

— Да!

— Тогда клянись!

Рядом кто-то забубнил, монотонно читая заготовленный текст, а Виталий громко повторял его:

— Клянусь, во имя Верховного строителя всех миров, никогда и никому не открывать без приказа ордена тайны знаков, прикосновений, слов доктрины и обычаев ордена, обещаю и клянусь... — Повторяя за читающим эти слова, он вдруг вспомнил, как принимал воинскую присягу, и ему стало смешно от стремления организаторов подобных церемоний сделать их как можно более торжественными, в результате чего они, эти церемонии, превращаются в некое подобие детской игры. Чтобы не дать себе рассмеяться, Виталий принялся покусывать губы и язык, от чего речь его стала замедленной и косноязычной: — ...да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет подвешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по воздуху, чтобы на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника.

Смеяться больше не хотелось.

— Покажите ему свет, — услышал Виталий, и кто-то сдернул у него с глаз повязку.

Яркий белый свет ударил в глаза, заставив его крепко зажмуриться. Перед глазами поплыли сверкающие разноцветные круги. Но вот источник света, бывший прямо в глаза, погас, и Виталий, приоткрыв глаза и по привычке к яркому освещению, принялся оглядывать зал и людей, в нем находившихся. Все они были в белых перчатках и белых же кожаных фартуках — запонах. Большинство — незнакомые, но кое-кого он знал. И то, что эти люди находились здесь, в этом зале, рядом с ним, наполнило его душу безграничной уверен-



ностью и надеждой. Уверенностью в правильности сделанного шага и надеждой на будущее.

Один из Братьев подошел к нему и, взяв одной рукой его под руку, второй стал указывать на знаки, изображенные на ковре, на котором стоял Виталий. Он объяснял значение каждого символа, а Виталий зачем-то кивал головой, как будто кто-то требовал от него согласия или одобрения. Он слушал, не слыша и не воспринимая никакой информации; настолько был взволнован и погружен в собственные эмоции. Другой Брат, приблизившись, надел на него белый кожаный фартук, еще один вручил ему белые перчатки и серебряный мастерок. «Теперь посмотрим, — торжествуя, думал Виталий, — так ли уж безнадежен в смысле карьеры старший лейтенант Голиков. Уж теперь-то всем этим начальственным сынкам, зятькам и прочим племянникам придется потесниться, чтобы пропустить вперед меня, простого парня с рабочей окраины».

## I

Сегодня они были особенно наглы и назойливы, как никогда ранее. И это было неплохо. Можно даже сказать, что это хорошо, ибо могло означать только одно: исчезновение семьи полковника Ракитина из поля их зрения стало для них полной неожиданностью. А раз так, то руки у полковника, считай, ничем не связаны и он может приступить к заключительной части своего плана, а именно — к устройству собственного исчезновения.

«Хвост» привязался к полковнику, едва он вышел из дверей управления. Их было двое, и они держали дистанцию не более пяти метров. Не торопясь полковник шагал по тротуару, а перед самым входом в метро резко ускорился и ввинтился в толпу. Проскочил вестибюль, сбежал вниз по эскалатору и успел вскочить в отходящий поезд, после чего внимательно огляделся. Вот они, эти двое, никуда не делись. Один справа, другой слева. И держатся теперь еще ближе к объекту наблюдения. К слежке за последний месяц Ракитин уже успел привыкнуть, но эти... Глаз не отводят, взгляд жесткий, решительный. «Пожалуй, это не филеры, — решил полковник. — Это — убийцы. Они проморгали мою семью и решили, что хватит со мной чикаться. Получается, что я сам спровоцировал их на решительные действия. Что ж... Тем лучше. Мы еще посмотрим, кто кого».

Несколько месяцев назад полковника Ракитина вызвал к себе генерал Буровский и, вручив ему тоненькую папочку, попросил:

— Слава, я хочу, чтобы именно ты занялся этим делом.

Давние друзья, оставаясь наедине, они были на «ты», без экивоков.

Ракитин раскрыл папку, полистал дело и, удивленно подняв брови, поглядел на генерала.

— Коля, так это же не по нашему ведомству. Хозяйственное дело, чистой воды уголовщина... Ну коррупция... Или у тебя личный интерес?

— Считаю, что личный, — закуривая, ответил генерал. — Именно поэтому я прошу тебя никого больше к нему не привлекать. Ты позанимайся им чуток, а потом мы с тобой еще побеседуем на предмет — наше оно или не наше.

И Ракитин им позанимался, как выразился генерал, «чуток». Отдельно взятый случай коррумпированности не крупного государственного чиновника катастрофически быстро разрастался в грандиознейшее дело о коррупции как системном пороке, поразившем весь государственный организм. Через какое-то время полковнику начали позванивать коллеги из других силовых ведомств и интересоваться, как идет расследование, на что Ракитин неизменно отвечал недоуменным вопросом: «Простите, но с чего вы взяли, что именно я занимаюсь этим делом?» Это уже был звоночек. И Ракитин вновь отправился к Буковскому.

— Дело принес? — поинтересовался генерал, когда Ракитин бухнул на стол два толстенных тома. — Ну и как? Наше оно или нет?

— Это организация, Коля, — с твердой убежденностью в голосе ответил полковник. — Это не бессистемное хапанье вконец обнаглевших ворюг. Это целенаправленный и хорошо организованный подрыв экономики и обороноспособности страны. Сотни иностранных шпионов не смогли бы нанести такой ущерб. Они везде, Коля. В каждом силовом ведомстве, в каждом министерстве, возможно, и в армии тоже. Я пока не разобрался до конца и не вышел еще на их верхушку... Хотя кое-какие наметки у меня уже есть...

— Ты когда последний раз разговаривал с этим... — оборвал Ракитина генерал. — Ну, с которого все началось...

— С Чижиковым?

— Да, да, с ним.

— Два дня назад вызывал его к себе.

— Брать под арест его не собирался?

— Попытался получить ордер у прокурора, но там мне ответили, что нет пока оснований. Запросили дополнительные материалы, но я до поры до времени решил попридержаться информацию. Так что пока не получилось.

— И не получится уже. — Левое верхнее веко Буровского задергалось в нервном тике, и он, закрыв глаз, прикрыл его ладонью.

— То есть? — От удивления полковник даже привстал.

— Сегодня ночью Чижиков скончался. Инсульт. — Генерал вышел из-за стола, открыл сейф и под удивленным взглядом Ракитина спрятал туда тома с чижиковским делом. — В связи со смертью главного фигуранта я получил приказ дело закрыть. Вот так вот.

— Ты подожди, подожди... Коль... Так что ж это получается? Они и у нас?

Генерал усмехнулся и, покачав головой, постучал себя согнутым пальцем по лбу.

— Можете идти, полковник Ракитин. Дело окончено, забудьте.

Но так это дело они с генералом конечно же не оставили. Ракитин продолжал потихоньку копать, правда, уже неофициально, а встречи свои им приходилось организовывать по всем правилам конспирации. Но несколько дней назад у Буровского случился обширнейший инфаркт прямо в рабочем кабинете. «Скорая» успела довести его до госпиталя, но... Медицина, как говорится, оказалась бессильна.

Неподалеку от полковника освободилось место, и он сел. Громилы тут же переместились вслед за ним. Один, взявшись обеими руками за верхний поручень, встал прямо напротив Ракитина, буквально нависая над ним. На наглой роже — глумливая улыбка, смотрит глаза в глаза, будто желая морально подавить свою жертву, лишить ее воли к сопротивлению. «Оч-чень хорошо», — подумал полковник, сосредотачиваясь и пристальным взглядом, не мигая, вглядываясь в самые зрачки своего преследователя. Тот вначале как-то забеспокоился, переступил с ноги на ногу, опустил одну руку, потом другую, но взгляда отвести так и не сумел. Лицо его стало неподвижным, как у статуи, тело, наоборот, расслабилось, обмякло. Посторонний взгляд вряд ли мог обнаружить эти внешние изменения, но пол-

ковник Ракитин уже знал — он полностью контролирует волю этого человека. Поезд начал замедлять ход, въезжая на станцию. Ракитин поднялся и стал пробираться к выходу. Один из громил тут же последовал за ним, но его товарищ повис на нем, сдавив его шею железной хваткой. В вагоне началась полная неразбериха и толкотня. Один поток выливается из вагона, другой вливается, а между ними — двое вцепившихся друг в друга, как питбули. Полковник вышел на перрон, дождался, пока закроются двери и поезд уйдет, после чего перешел на другую сторону перрона и поехал обратно.

Он несколько раз переходил с линии на линию, прокатился по кольцевой, пока окончательно не убедился — слежки нет. Тогда он поднялся наверх и решил взять такси. Прибегать к услугам профессиональных «бомбил», постоянно отирающихся у метро, полковник не стал и, отойдя чуть в сторону, проголосовал. Первую машину, подъехавшую к нему, он отправил, сделав вид, что его не устраивает цена и, не торгуясь, сел во вторую.

— Голиков?! Вот так встреча!

За рулем остановившейся машины сидел офицер из его, ракитинского, отдела.

— Я же живу в этом районе, товарищ полковник. По дороге домой иногда и подвезешь кого-нибудь. Зарплата у нас, сами знаете, не так чтобы уж очень... Так что...

— Ладно, ладно, не смущайся, капитан. — Полковник по-дружески хлопнул Голикова по колену. — Все, что ни делается, все к лучшему. Тебя мне, видимо, сам Бог послал; не придется на перекладных добираться. Давай-ка, Виталий, выруливай на Варшавку и дуй напрямиком в Тулу.

— В Тулу-у? — с сомнением в голосе переспросил капитан.

— Что, далековато? Небось дома жена ждет?

— А... Поехали, товарищ полковник. — Капитан включил передачу. — Полтора часа туда, полтора обратно... Я дома раньше по-любому не буду.

Машина плавно набрала ход и скрылась за ближайшим поворотом, увозя полковника Ракитина в неизвестность. Сегодняшним вечером все складывалось для него очень удачно. Может быть, даже слишком удачно.

## II

Это было обычное рабочее утро, не сулившее никаких сюрпризов. Солнышко уже светит, но еще не греет. Свежий майский ветерок весело гуляет по салону, врываясь в приоткрытое окно; и даже пробки и заторы были в это утро самыми заурядными, привычными и почти нераздражающими. Сюрпризы начались со звонком Верочки — помощницы и секретаря.

— Доброе утро, Роман Михайлович. Вы уже приехали или еще едете?

Хороший вопрос. Особенно в такой формулировке. Такой вопрос может означать все что угодно, — от всемирного потопа до завалившейся за плинтус скрепки; а тот, кто его задает, имеет одну цель — подготовить спрашиваемого к той информации, которую ему сейчас предстоит получить.

— Привет, Вера. Я буду через десять минут. Что там у тебя приключилось?

— Через десять минут? А... Десять минут я потерплю.

И отбой. В последовавшие за этим звонком минуты Роману Михайловичу Лобову, 45 лет от роду, владельцу и директору небольшой консалтинговой фирмы, стало казаться, что сидит он не в удобном кресле своего автомобиля, а на раскаленной сковородке.

— Что у вас приключилось, Вера? — выпалил Лобов, влетая в свой офис.

— У меня? — Вера сделала круглые глаза. — У меня ничего не приключилось. А что вы знаете о ... — Она перевернула листок на перекидном календаре и прочитала: ...«South Caucasus Telecommunications»?

— Ничего не знаю. Да не томите Вера, говорите толком.

— А кто такой Шадилян Александр Мовсесович, тоже не знаете?

— Нет, не знаю. Вера!

— А что — Вера? Я вам все по порядку рассказываю. Этот самый Шадилян — генеральный директор вышеупомянутых «Коммьюникейшнс». Он прислал вам проект договора и билеты — в Тбилиси и обратно.

— Интересно... — Лобов был так удивлен, что даже не прошел в свой кабинет, а, бросив портфель на пол, взял стул и уселся рядом с Верой, за ее компьютер.

— Но самое интересное еще впереди, — интригуяще улыбаясь, заявила Вера.

— То есть? — На сегодня, похоже, сюрпризы еще не закончились.

— Этот самый Шадилян в качестве аванса перечислил нам сто двадцать тысяч долларов. Я уже звонила в банк, деньги зачислены на наш счет.

Вот это сюрприз так сюрприз! В последнее время дела у лобовской фирмы шли ни шатко ни валко. Вообще-то услуги такого рода на российском рынке были весьма и весьма востребованы, ибо Роман Михайлович Лобов занимался тем, что избавлял своих клиентов от проблем, вызванных явлением, называемым на новорусском «наезд». Он никогда не рекламировал свою деятельность, и новые клиенты у него появлялись лишь по рекомендации тех людей, с которыми он уже когда-то имел дело. Роман Михайлович помогал отражать попытки рейдерских захватов, причем делал это весьма успешно. Обычно, когда клиент приходил к нему в офис со своей проблемой, Лобов внимательно выслушивал его, иногда просил принести какие-нибудь документы и приглашал зайти дней через десять. Как правило, этого времени хватало на то, чтобы хищные рейдеры отказались от любых попыток захвата чужого имущества. Через десять дней счастливый клиент расплачивался с Лобовым. Результат был стопроцентным. Как он этого достигал, никто не знал, хотя некоторые клиенты, проявляя неуместную настойчивость, иногда пробовали заводить разговор на эту тему, но Лобов жестко пресекал подобного рода попытки. Конечно, пожелай того Роман Михайлович, он был бы весьма состоятельным человеком, миллионером как минимум. Но принципиальная позиция его состояла в том, что работал он исключительно с людьми маленькими — с лавочниками, владельцами небольших оптовых фирм, хозяевами заводиков, мастерских и фабричек. Он прекрасно понимал, что выход на более высокий уровень клиентуры неизбежно повлечет за собой широкую огласку. И тогда ему не только не сохранить в тайне своего метода и технологий, но и само-

му не обойтись без покровителей, без того, что ныне именуется кратким, но емким словом «крыша». А вот этого-то Роман Михайлович как раз и не желал, ибо превыше всего в жизни ценил свободу и независимость.

Поэтому получение столь крупной суммы, как сегодня утром, явилось для него обстоятельством не только необычным, но и тревожным.

— Какое-нибудь сопроводительное письмо он хотя бы прислал, этот Шадибян? — поинтересовался Лобов у своей помощницы. Вера пощелкала «мышью», и на экране появился короткий текст, всего несколько строк. — Рекомендация-то хоть у него есть?

— Да, его рекомендует Акопов, — утвердительно кивнула Вера. — Помните такого?

— Кажется, дрожжевой завод в Тверской области. Правильно? — Вера вновь кивнула, подтверждая сказанное. — Ну, это уже кое-что. Хотя... Такая сумма... Акопов не мог ему не сказать, сколько стоят наши услуги.

— Ну и что сумма, Роман Михайлович? Да у них там, на Кавказе, свои мерки, свои масштабы. К тому же он просит, чтобы вы к нему вылетели, а не он к нам. Вот за это и платит. Да и, в конце концов, все это происходит в Грузии. У нас с ней и дипломатических отношений-то нет. Даже будь он там местный олигарх, все равно сюда никакая информация не дойдет. И... Ну что мы теряем, Роман Михайлович? Слезаем в Тбилиси, не понравится вам что-то, вернем ему деньги. А? — Верочке очень не хотелось отказываться от столь соблазнительной суммы, могущей обеспечить фирме много месяцев спокойного, безмятежного существования. — К тому же, Роман Михайлович, вы ведь давно собирались генераторы поменять, я уж не говорю о медоборудовании, которого явно недостаточно. А тут можно будет сразу, одним махом...

— Ладно. Уговорила. Когда лететь? Да... И как там с визой?

— Завтра. Утром туда, вечером обратно. — Верочка просто-таки светилась от удовлетворения, став от этого еще краше. — Насчет визы я уже все узнала. Получите по прилете, в аэропорту.



В Тбилиси Лобова встречал человек, державший над головой табличку с надписью: Лобов Р. М.

— Вы Шадилян? — на всякий случай поинтересовался Роман Михайлович, подходя к нему.

— Нет, господин Шадилян ждет вас в отеле, я только должен довести вас туда, — ответил встречающий.

В гостинице Лобов даже не стал заходить в бронированный номер, а поднялся сразу на второй этаж, в ресторан, где, как ему сказали, его ждет Шадилян. Роман Михайлович окинул взглядом небольшой зал. Все столики были свободны, кроме двух. В дальнем углу, экспрессивно жестикулируя и дымя массивными сигарами, что-то шумно обсуждали два грузина, а за третьим столиком от входа сидел одинокий мужчина и не торопясь поглощал яичницу с беконом, запивая ее соком. Он был примерно одних с Лобовым лет, может, чуть старше. Сухопарый, подтянутый, с европейским типом лица. Увидев в дверях Лобова, мужчина сделал приветственный жест рукой. «Значит, это и есть Шадилян, — понял Роман Михайлович. — Хотя, судя по облику, на Шадиляна-то он меньше всего и похож».

— Здравствуйте. Я — Лобов, — представился Роман Михайлович и сел за стол, следуя приглашающему жесту.

— Александр, — Шадилян протянул руку для рукопожатия. — Завтракать будете? — По-русски он говорил безукоризненно, без малейшего акцента.

— Нет, спасибо. стакан сока.

— Может быть, кофе?

— Не хочу. Давайте ближе к делу.

— Замечательно. Тогда допиваем сок, а потом совершим небольшую загородную прогулку; там и поговорим.

Лобов кивнул, соглашаясь с тем, что серьезный разговор лучше вести если уж и не в проверенном помещении, то тогда на природе.

— Это дачное местечко называется Коджори, — сказал Шадилян, паркуя машину на обочине. — Удобно, всего полчаса от центра, и мы уже здесь. Люблю это место, здесь воздух хороший. Давайте пройдемся.

Они вышли из машины и мимо дачных заборов двинулись в глубь леса. Осмотревшись, Лобов не мог не признать, что место для разговора выбрано очень удачно. Старый сосно-

вый бор, чистый, без подлеска, он просматривался далеко, на много десятков метров вокруг; не говоря уже о том, что здешний горный воздух, напоенный ароматом разогретой хвои, был действительно замечателен.

— Для начала хотел бы извиниться перед вами, господин Лобов, — начал Шадилян, когда они отошли уже достаточно далеко, так что их не было видно ни с дач, ни с дороги, — за ту маленькую мистификацию, к которой мне пришлось прибегнуть для того, чтобы организовать встречу с вами.

— Зовите меня просто Роман, — предложил Лобов. — Александр — это ваше настоящее имя?

— Да. — Шадилян кивнул, и они вновь обменялись рукопожатием, как бы знакомясь вновь. — Дело в том, что я четыре года проработал в посольстве США в Москве, и там меня, как говорится, каждая собака знает. Поэтому я был вынужден для нашей встречи вытащить вас сюда.

— Нечто подобное я и предполагал, — пробурчал себе под нос Лобов. — Ну правильно... А в Тбилиси... Одним американским шпионом меньше, одним больше... Кто ж их здесь считал? Логично, — заключил он.

— Самое главное, — Александр негромко вежливо рассмеялся, — здесь нет русской контрразведки. Но... В данном случае я беспокоился не о себе, а о вас. — (Лобов сделал удивленные глаза.) — Это в ваших интересах, чтобы о нашей с вами встрече никто не узнал.

— Ну... Если уж вы устроили нашу встречу, то наверняка потрудились изучить мою биографию. Как вы, наверное, знаете, определенное количество лет своей жизни я потратил на службу в разведке и с тех пор получил стойкую идиосинкразию ко всякого рода шпионским штучкам и приемчикам. Теперь я частное лицо и веду жизнь, которая меня устраивает. Я одинок, у меня нет близких, и даже если бы вы нашли, чем можно меня шантажировать, то вам все равно не удалось бы меня завербовать. И не удастся. Именно по причине вышеупомянутой идиосинкразии.

Александр вновь негромко рассмеялся.

— Я вам еще ничего не предложил, а вы уже произнесли целую речь. Я знаю, что вы занимаетесь наукой. Вернее, работаете на стыке науки и мистики. Это, кажется, называется нозтика? Так? — (Лобов молчал, дожидаясь, пока выскажет-

ся собеседник.) — А чтобы иметь деньги для ваших экспериментов, вы делаете небольшой бизнес, помогая людям, как это у вас сейчас говорят, разруливать ситуацию. Так?

Лобов скептически скривил губы:

— Не думаю, что это достаточно прочная платформа, с которой можно вести вербовку агента.

— Да что вы все заладили: вербовка, вербовка. Не собираюсь я вас вербовать. Я обратился к вам по просьбе вашего покойного друга полковника Ракитина.

— Вячеслав... Вы с ним были знакомы?

— Да. Мы весьма плодотворно сотрудничали.

— Вы хотите сказать, что...

— Нет, нет. Ни он, ни я не были ничьими агентами. Мы просто сотрудничали и были друзьями. Ваш опыт работы в разведке должен вам подсказать, что такое взаимовыгодное сотрудничество возможно.

— Не знаю, может быть... — Лобов пожал плечами. — Он погиб во время командировки на Северный Кавказ, а я слишком поздно узнал об этом и даже не был на его похоронах.

— Это хорошо, что вас не было на его похоронах, — с удовлетворением констатировал Александр, и Лобов в который уже раз с удивлением на него посмотрел. — Это хорошо, потому что ничто в настоящем не связывает вас с полковником Ракитиным. А совместная служба десять лет назад... Это ничто. Да мало ли кто служил вместе с Ракитиным за всю его долгую карьеру.

— Не понимаю вас, потрудитесь объяснить.

— Полковник Ракитин погиб не во время командировки на Северный Кавказ. Я думаю, его убили в Москве. Незадолго до своей смерти он передал мне информацию и свою просьбу — передать эту информацию вам, подполковник Лобов.

— В отставке, — уточнил Лобов.

Не реагируя на эту поправку, американец продолжал:

— Видимо, Вячеслав перед своей смертью находился под тотальным контролем, поэтому он не мог связаться с вами без риска засветить вас. Эта ситуация заставила его воспользоваться экстраординарным каналом связи, который существовал у него со мной. Похоже, на тот момент он уже не мог доверять никому из своих московских знакомых.

— Прямо-таки чертовщина какая-то. — Лобов все еще не верил американцу, решив, что тот просто готовит почву для вербовочного предложения.

— Пару лет назад полковник Ракитин начал некое дело. Коррупция, бизнес, откаты, распилы и т. д. Обычное хозяйственное дело, как ему вначале казалось, совершенно случайно попавшее в ФСБ. Но, чем глубже он копал, тем более интересная картина перед ним представала. Он наткнулся на организацию, разветвленной сетью проникшую во все сферы русского государства и русского общества. Их цели и методы мало назвать подрывными. Скорее, здесь ведется война на полное уничтожение.

— Эта организация действует легально?

— Сложный вопрос. Подавляющее большинство членов этой организации ведет вполне легальный образ жизни и вроде бы не делает ничего антигосударственного. Но вкуче их деятельность создает тот эффект, о котором я вам говорил. Более того, далеко не каждый из них знает или подозревает, что он входит в состав некой единой тайной организации. Данная конспиративная структура задумана и исполнена так, чтобы активно использовать легальные структуры в качестве своих подразделений.

— Например?

— Например, масоны.

Лобов усмехнулся:

— Опять масонский заговор?

— А вы не смейтесь, — вполне серьезно сказал Александр. — Масоны — отличное прикрытие и орудие для некой закулисной силы, имеющей глобальные цели. Вы хотя бы немного знакомы с масонством?

— Скорее нет, чем да. — Лобов сопроводил свой ответ недоуменным пожатием плеч.

— Так вот. У каждого масона есть три задачи, которые перед ним ставит Братство. Первая — хранить и оберегать древнюю тайну, доверенную масонам от первых людей, от Адама. Вторая — совершенствоваться самому, чтобы когда-нибудь достичь уровня совершенства, при котором тебя наконец-то посвятят в эту самую тайну. И третья — способствовать совершенствованию окружающих и общества, в котором ты живешь. При этом, имейте в виду, эту самую тайну раскрыва-

ют только масонам, достигшим самого высшего, тридцать третьего градуса посвящения. Но 99,99 процентов масонов никогда не поднимаются выше третьего градуса посвящения. Подавляющее большинство лож возглавляют масоны третьего градуса. Масоны же высших степеней составляют особые ложи, действительно глубоко законспирированные, о существовании которых можно только догадываться. Итак, подавляющее большинство масонов клянется хранить и защищать тайну, которой они не знают и никогда не узнают. Просто идеальные исполнители. Пчелы. Недаром символом масонской ложи является пчелиный рой. Итак, подполковник, у вас еще не возникло желание приспособить масонов для решения каких-нибудь своих задач?

— Да уж... — только и смог вымолвить Лобов.

Александр достал из бумажника флэшкарту и несколько сложенных четверо листков и передал их Лобову.

— Здесь материалы дела, над которым работал Ракитин. Их мне переслал Вячеслав. Не думаю, что мне стоило переправлять эту информацию или вам тащить ее через границу. Я специально для вас распечатал эти три листа. На них имена и должности людей, входящих в эту организацию. Красным подчеркнуты десять фамилий, запомните их, а бумагу потом уничтожьте. Вячеслав считал, что среди этих десяти и находятся главные негодяи.

Развернув листки, Роман Михайлович бегло просмотрел их и воскликнул:

— Ого! Какие люди... До отлета у меня будет предостаточно времени, чтобы внимательно изучить все материалы. — Он свернул листы и спрятал их вместе с флэшкой в карман. — Хорошо. Но что же это все-таки за тайна такая страшная? Версии хотя бы есть?

— Как не быть. Хоть отбавляй, — поддержал Александр игривый тон, предложенный Лобовым. — Версии выдвигают все — от серьезных аналитиков до беллетристов. Одна из них гласит, что изначальной тайной масонов как профессиональной корпорации архитекторов и строителей были формулы, пропорции и соотношения, которые и составляют суть современной инженерной науки, позволяющей рассчитывать и возводить здания любой величины. Но здесь, что называется, уже проехали. Все это уже давно не тайна, осталось

только надувание щек, архаичные ритуалы и детская возня в песочнице. Вторая версия, самая идиотская, — масоны хранят Библию. Ибо в Библии зашифровано все будущее человечества. Зачем прятать то, что есть в каждом доме? Таким образом, мы возвращаемся к надуванию щек и песочнице. То есть масонство — это пустышка, просто клуб для элиты, объединяющий карьеристов. Наверное, кому-то выгодно, чтобы все именно так и считали. Третья версия, вернее группа версий, — эзотерическая. Сюда входят всякие тайны бытия, изначальное устройство мира, познание Бога и т. п. Суммировав, можно сказать, что наш мир — это ад, куда посылается душа, чтобы пройти соответствующий цикл страданий. Отбыв срок, душа устремляется к свету, а свет — это Бог. Частично это объясняет столь важное значение света в масонских ритуалах. Душа объединяется с Богом, и Бог, таким образом, находится в состоянии перманентного роста. Раскрыть эту тайну никак нельзя, ибо все одновременно покончат жизнь самоубийством и тут же устремятся к Богу. Сие действие прекратит круговорот душ, а следовательно, разрушит основу мироздания. Но это все, как вы понимаете, лирика. Для людей нашей с вами профессии важно другое. Те, кто артикулирует подобного рода версии, утверждают, что масоны тридцать третьего градуса умеют покидать свое брэнное тело, оставляя его в нашем, материальном мире, и путешествуют по миру духовно-нематериальному, где они якобы имеют возможность прямого контакта с Создателем. Может быть, это и есть главная тайна масонства?

— Гм, гм, — хмыкнул Роман Михайлович, — не бог вещь какое умение. На роль главной тайны как-то не тянет.

— Вы хотите сказать, что умеете делать нечто подобное? — мгновенноотреагировал Александр.

— Беседа с Создателем — это, скорее всего, искусственная картинка, извлеченная из подсознания некой экзальтированной личности и имплантированная с помощью определенных психотехник в ее же сознание. Никакой мистики.

— Как бы то ни было. Кстати, в подобном умении подозревают и каббалистов, и розенкрейцеров...

— А каббалисты-то здесь при чем?

— Черт его знает, кто здесь при чем. В этом-то вам и предстоит разобраться. Но и у каббалистов, и у масонов чрезвы-

чайное значение придается нумерологии. Особенно и те, и другие почему-то любят цифру девять. Число белого тигра, как говорят китайцы. Что это такое и какой в этом смысл, я вам не скажу. Не знаю. Разве что повторю вам белиберду, которую вы и сами можете прочесть в любом из справочников. Пожалуй, это все, чем я могу быть вам полезен. Я честно выполнил последнюю волю своего погибшего товарища. А уж вам выяснять, кто они такие: масоны, каббалисты, гермесисты, розенкрейцеры, тамплиеры, иоанниты, международные финансовые воротилы, олигархи или черт с рогами. Кстати, деньги, вами полученные, это его, Вячеслава, средства, и предназначались они для вас. Ввязываться ли вам в это дело или нет — смотрите сами. Я бы предпочел остаться в стороне. Влезть в эту кашу — чистое самоубийство.

— Скажите, Александр... — Лобов медлил, тщательно подбирая слова для вопроса, который хотел задать. — У них, у этой организации... Короче говоря, меня интересуют их связи за пределами России.

— Широкие связи с международными финансовыми организациями. Но... ведь вы имеете в виду... Не являются ли они проводниками чьих-то инациональных интересов? Если вы имеете в виду разведсообщество, то... — Александр задумался. — У наших ума не хватит, а у британцев — финансирования. Про остальных и говорить смешно. Да и... Помилуйте, какому из правительств мировых держав будет выгодна черная дыра размером в пятнадцать процентов земной суши? Брр... Нам и Афганистана-то хватит за глаза. Ну... Разве что инопланетянам каким-нибудь.

— А то же самое масонство? Насколько мне известно, оно интернационально по сути своей.

— Знаете... На протяжении последних нескольких сот лет человеческой истории масоны не были замечены в заведомо деструктивных, античеловеческих действиях. Да, они устраивали революции, да, они создавали новые государства и вели их к вершинам прогресса, как мое богоспасаемое отечество...

— Никакого прогресса не существует, — не совсем вежливо перебил Александра Лобов. — Это еще Бердяев доказал.

— Ох... — тяжело вздохнул американец. — Все у вас не как у людей.

Оставшееся до отлета время Роман Михайлович провел в гостиничном номере, работая с полученной информацией. Уже дома, засыпая, Лобов вспомнил слова Александра, сказанные при расставании: «Может быть, они начали с вас, русских, а потом займутся и остальными. Но сейчас это — ваша война, и я не записываюсь на нее добровольцем, да и, сказать честно, вам не советую. Но если вы все-таки решитесь выйти один против огромной силищи, то помните, что ваше Временное правительство в тысяча девятсот семнадцатом целиком состояло из масонов, но они не смогли противостоять железной воле всего лишь одного человека».

### III

Коридор был длинный-предлинный, тянущийся на многие сотни метров, иногда плавно сворачивающий направо или налево, а иногда резко обрывающийся вниз или прыгающий вверх. В коридоре горел приглушенный голубоватый свет, сочившийся прямо из мягких, податливых стен. Справа и слева тянулись двери, одна за другой, одна за другой; бесчисленное количество дверей. Нина Федоровна никогда не плутала, она всегда знала, какая именно дверь ей нужна. Вот и сегодня она быстро достигла нужной и открыла ее. За дверью оказался небольшой уютный зальчик в японском ресторане. Вернее, даже не зальчик, а просто отдельный кабинет. Ее клиент обедает вместе с каким-то мужчиной, оба ловко орудуя деревянными палочками. Нина Федоровна никак не могла понять этого нашего обезьянничанья. Во времена ее молодости говорили: «низкопоклонство перед Западом». А это и не Запад никакой даже, а самый что ни на есть Восток. Ну едят они там деревянными спицами, так это от бедности. Зачем же за ними повторять? Ну не едим же мы свои, русские щи и кашу деревянными ложками... Ладно, пусть что хотят, то и делают; ей-то уж не так и много осталось денечков-то, чтобы тратить их на воспитание этих, нынешних... Да даже если бы и хотела перевоспитать... Кому она может что-нибудь сказать? И кто даст ей сказать? Это не то что раньше, когда можно было на партсобрании в цеху вылезти на трибуну перед пятью сотнями человек и врезать, что думаешь.



Правда, и тогда не особо давали... Но ей рот никому не удавалось закрыть!

«Нина Федоровна, у вас все в порядке? Объект перед вами, Нина Федоровна. Вам что-то мешает?» — Это Роман Михайлович. Беспokoится. И действительно, что-то она сегодня отвлеклась, замечталась. Неужто старческий маразм начинается? Рановато вроде. Шестьдесят пять — разве это возраст? Нина Федоровна продефилировала по зальчику и пристроилась рядом с клиентом, выжидая удобного мгновения. Вторжение — самый ответственный момент. Проведешь его неудачно, и у клиента так голова разболится, что он не то что говорить — думать ничего не сможет. Тогда, считай, вся работа насмарку. Нина Федоровна примерилась и, изловчившись, проникла к нему в голову. Клиент даже не дернулся нисколько.

Сегодня у нее легкое задание. Не надо ломать личность клиента, программировать на определенные действия либо жестко допрашивать, подвергая насилию его сознание и считывая всю хранящуюся там информацию. Сегодняшнее задание — сидеть и слушать. Слушать, что говорит, слушать, что думает. Сегодня, как выразился Роман Михайлович, ей придется покопаться в голове у одного телевизионного деятеля.

Нина Федоровна лежала на низкой широкой кушетке. На голове у нее был надет шлем с датчиками, провода от которых тянулись к энцефалографу. Судя по тому, как расслабились ее мышцы, Лобов понял, что она уже вступила в контакт. Быстрое мелькание зрачка в узкой прорези не до конца прикрытых век свидетельствовало о том, что она находится в фазе быстрого сна. Губы ее задвигались, быстрой скороговоркой она что-то принялась шептать. Лобов, привстав с табурета, склонился над ней и еще раз проверил крепление ларингофона у нее на шее, потом, повернувшись к монитору, — качество записи. Все работало штатно. Вообще-то во время сеанса оператор должен постоянно контролировать ситуацию, не отходя ни на шаг от слипера, но Нина Федоровна была старым, испытанным кадром, более двадцати лет работающим с Лобовым. К тому же у нее несложное задание. Только наблюдение. Наблюдение и запись. Да и то, признаться, более сложных заданий он давно ей не давал. Шестьдесят пять лет все-таки. Несмотря на прекрасное для этого воз-

раста здоровье, Лобов боялся рисковать, оберегая своего самого опытного слипера. Она работала с ним с самого первого дня, с того момента, когда он, только начиная эксперименты по измененным состояниям сознания, набрал первую группу людей с экстрасенсорными способностями. Людей, которым еще предстояло научиться быть слиперами. Из этой первой группы у него осталась одна Нина Федоровна. Она работала с Лобовым, когда он еще был кадровым офицером разведки, не изменила его делу, когда финансирование проекта прикрыли и Лобов ушел в отставку. С тех пор Роман Михайлович далеко продвинулся вперед — от робких экспериментов до практического применения технологий измененного состояния сознания.

Внимательно прислушавшись к мерному жужжанию генераторов электромагнитных полей и бросив еще один цепкий взгляд на спящую Нину Федоровну, Лобов вышел в соседнюю комнату. Не отрываясь от монитора, Вера задала ему дежурный вопрос:

— Ну как там? Все нормально?

— Угу, — хмыкнул Лобов.

Для того чтобы сделать свой личный выбор после встречи с Александром, Роману Михайловичу потребовалось не так уж много времени. Хватило двух с половиной часов, проведенных в самолете. Не считая, конечно, того времени, что Лобов, запершись в гостиничном номере, потратил на изучение собранных Ракитиным материалов. Дело в том, что ему, Лобову Роману Михайловичу, страшно не нравилось то, что ныне претендовало на гордое звание его, лобовской, Родины. Более того, его, умного, образованного, трудолюбивого русского мужика в глубине души оскорбляло, что это воровливое и непотребное государство, ежедневно и ежечасно лишаящее русский народ еще одного шанса на выживание, носит царственное имя — Россия. Теперь же, после ознакомления с ракитинскими материалами, все встало на свои места. Не нужно ни для кого искать оправданий, пытаюсь объяснить необъяснимое. Это просто иго. Новое иго, только глубоко замаскированное и законспирированное. Поэтому для себя Лобов решил, что будет драться с ними до последнего вздоха. Веру он посвятил почти во все тонкости предстоящего им дела, и она, не раздумывая, дала Лобову свое согласие. Без

Веры ему было бы сложно, ведь она — не только помощник и секретарь, но и дипломированный врач, опытный реаниматор, несколько лет проработавший в «Скорой».

Каждый сеанс отнимает у слипера довольно много сил, и нужно умело помочь ему восстановиться. Кроме того, возможны всякие непредвиденные обстоятельства. Слиптер может столкнуться с сопротивлением и противодействием, а иногда и с агрессией. Короче говоря, в долгой лобовской практике бывали случаи, когда слипера удавалось спасти только благодаря точным и своевременным действиям врача. А был у него также случай (правда, это было еще на заре лобовских изысканий в духовно-нематериальном мире), когда слипера спасти не удалось. Эта трагедия осталась его личным крестом, который нести ему до конца дней своих. Хотя... Никто его тогда не винил, он даже получил правительственную награду за ту операцию вместе со своим погибшим слипером, награжденным посмертно. Но все же... Ни забыть этой смерти, ни простить ее себе Лобов не мог. Так что без толкового, опытного врача ему никак не обойтись. Был еще один маленький аспект в отношениях Веры и Лобова, и, знай о нем Роман, он мог бы ни о чем ее не спрашивать. Потому что ее «да» всегда лежало в его кармане. Но Роман Михайлович даже мысли не допускал, что его особа может заинтересовать такую молодую (все-таки на семнадцать лет младше него), эффектную женщину, как Вера. Между тем она влюблена была без памяти в этого седоусого крепыша, что, однако, не мешало ей, а может быть, и способствовало, подтрунивать над ним по всякому поводу и без.

Со слиперами было несколько сложнее. На тот момент их было у Лобова четверо, считая и Нину Федоровну. Кандидатуру одного из них Лобов отверг сразу же, даже не сделав ему никакого предложения. Этот человек работал с ними исключительно из-за денег и для задуманного Лобовым дела не годился по определению. Еще один отказался сразу же, как только Роман сказал ему, что новый заказ существенно опаснее их обычной работы. Остались у него Нина Федоровна и Валентин, причем для серьезной, активной работы годился лишь Валентин.

Для того чтобы разработать и подготовить операцию против столь могущественного противника, нужны были время

и люди. Ни того, ни другого у Лобова не имелось. Самое печальное, что у него не было ни одного оперативника. Поэтому рассчитывать он мог лишь на себя и своих слиперов. Слиперам он сказал, что работать в этот раз они будут на государство, что речь идет о государственной безопасности и режим секретности еще строже, чем обычно. Люди поняли и согласились, хотя строже, чем обычно, трудно себе представить. Ибо слиперы в обычной жизни были немые как рыбы, прекрасно понимая, что даже крупица информации о роде их занятий может стоить им жизни.

Как уже говорилось, у Лобова не имелось особых возможностей для тщательного планирования операции. Поэтому он решил действовать по сценарию, которым они пользовались, когда отражали наезды рейдеров и рэкетиоров. Нина Федоровна старается собрать максимум информации и определить зачинщиков и главарей. После чего в битву вступает Валентин и программирует сознание бандитских боссов на отказ от первоначально поставленных ими целей.

...Нина Федоровна едва заметно зашевелила руками и ногами. «Окончила сеанс, возвращается, — глядя на нее, подумал Лобов. Не доверяя своим ощущениям, глянул на монитор компьютера. — Так и есть. Скоро она будет здесь». Он выключил генераторы и начал отсчет. Посчитав до десяти, негромко хлопнул в ладоши.

— Нина Федоровна, просыпайтесь. Раз, два, три, проснулись!

Она открыла глаза и улыбнулась. Поднявшись, села на кушетке, опустив ноги. Сняв с головы обруч с датчиками и отлепив с шеи ларингофон, она с возмущением произнесла:

— Если б вы знали, Роман Михайлович, что за грязные мысли у этого типа! Брр! — Ее аж передернуло. — Извращенец самый настоящий!

— Все узнаем, Нина Федоровна, — усмехнулся Лобов. — Запись лишь только расшифруем. А по делу... Что-то интересное было?

— Было кое-что... Сами увидите. Но... — Она замаялась и принялась поправлять прическу, примявшуюся от лежания на жесткой подушке. — Вы только не смейтесь над старухой...

— Помилуйте, — Роман всплеснул руками, — да какая вы старуха, Нина Федоровна!

— Аура у них у всех, за кем я следила, какая-то странная... Во-первых, она всегда правильная по форме. В любых обстоятельствах. Знаете, как бывает, понервничаешь, позлишься, поругаешься с кем или даже позавидует тебе кто... Аура вся рваная, в клочьях, в дырах. И цвет соответственно меняется. А у этих — всегда ровная, что бы ни случилось. И еще цвет. Он никогда не меняется. Это во-вторых. И цвет... — Она покрутила головой вокруг себя в поисках подходящего цвета. — Цвет такой типа кофе с молоком, но кофе там больше, чем молока. Я такого раньше ни у кого не видела, а у этих — сплошь. У всех одинаковая.

— У всех у всех? — скептически улыбнувшись, осведомился Лобов.

— Нет, у тех, к которым вы меня посылали в самом начале, была обычная. Плохая, но обычная, человеческая. А у этих...

Вначале Нина Федоровна работала с теми, кого Лобов отнес к категории рядовых исполнителей, которые и об организации-то ничего могли не знать, а руководствовались лишь гипертрофированной жадностью и корыстью. В настоящий же момент он ее подсылал к тем, кого Ракитин и он сам выделяли как руководителей низшего и среднего звена.

— И что вы об этом думаете? — поинтересовался Роман.

— Да нелюди это какие-то! Если бы сплетничала со своей соседкой по площадке, так бы и сказала ей — нечистая сила. А вот вам не знаю, как сказать...

— Спасибо за наблюдение, Нина Федоровна. Вы как себя чувствуете? Вас домой доvezти?

— Да не... Сама дойду.

— Хорошо. Только я все равно Веру пришлю, пусть она вас посмотрит.

И Лобов вышел из комнаты.

\* \* \*

Валентин окинул взглядом чердак. Это его чердак, и он знаком здесь с каждой пылинкой. Сегодня, впрочем как и всегда, все было в порядке. И бабушкин сундук, и старая ма-

мина швейная машинка, и коробки с его игрушками, и даже пластиковая новогодняя елка в длинной несуразной коробке — все находилось на своих местах. Он поднял голову и посмотрел на крышу. Она вся была испещрена маленькими дырочками, откуда к нему тянулись тонкие солнечные лучики. Валентин стал гладить лучи ладонями, пока не нашел тот, что был ему нужен. Он поднял руки и полетел вдоль луча, просочился сквозь отверстие в крыше и поплыл в белом, плотном, как молоко, тумане. Десяток уверенных гребков — и он очутился в огромном, богато обставленном кабинете. Валентин внимательно огляделся, но нигде не обнаружил хозяина кабинета. Он уж было подумал, что ошибся, когда в дальнем углу кабинета открылась незаметная дверь, и в кабинете появился его хозяин. Он вдруг сбился с шага и резко повернул голову в ту сторону, где находился Валентин. Если бы Валентин не был уверен в том, что это невозможно, он бы подумал, что этот человек его видит. Валентин мягко оттолкнулся и медленно поплыл вдоль стены. Хозяин кабинета так же медленно поворачивал голову, как будто внимательно следил за передвижениями Валентина по помещению.

«Ах, дьявол! Он меня видит! Как же такое может быть?!» — испугался Валентин. В животе у него вдруг образовался кусок льда, и холод от него пополз по всему телу.

Хозяин кабинета сделал жест рукой, и прямо перед ним в воздухе образовались две фиолетовые кляксообразные сущности. Они переливались и вибрировали, как желе, постоянно меняя форму. Одна из них начала принимать вид здорового черного мужика с бицепсами молотобойца. В кого превратится вторая, Валентин дожидаться не стал. Он просочился сквозь стену, но оказался не в привычном белом тумане, а во вполне реальном офисном коридоре. Валентин помчался по нему сломя голову, пролетая сквозь спешащих по делам клерков и медленно шествующих степенных господ. Он выскочил на лестничную площадку, пролетел вниз до первого этажа и только тут посмотрел наверх. Там, откуда он только что слетел, маячила черная физиономия преследователя. Мимо поста охраны, через весь холл и на улицу! «Черт, где же я? — И вот тут Валентин испугался по-настоящему. — Где находится мой дом? И куда мне бежать? И смогу ли я без тумана

попасть на крышу?» Охваченный ужасом, ледяной лапой сдавившим его сердце, Валентин закричал что есть мочи:

— Михалыч, выручай! Туман пропал, тумана нету!

Проезжавшая мимо машина фыркнула, и из ее выхлопной трубы вылетело огромное облако белого дыма. Уже прыгнув в облако, Валентин оглянулся. Два черных атлета были метрах в десяти от него. «Но теперь фигушки, не достанете, — уверенно подумал он, ощутив под ногами родную крышу. Он скользнул сквозь отверстие на чердак и, ступив на лестницу, ведущую вниз, закрыл люк, заложив его массивным брусом. — Теперь в безопасности, — решил он, и тут же на крышку люка посыпались тяжелые удары. — Можете стучать сколько угодно. Такого бруса вам не переломить».

Удары сверху прекратились. Что и требовалось доказать. Оставалось спуститься со второго этажа на первый и выйти на улицу. Там-то его и ожидает Михалыч. Не спеша Валентин двинулся в сторону лестницы, и тут на крышку люка обрушились новые могучие удары. Теперь они сопровождались жалобным металлическим звяканьем. «Мамина машинка!» — успел сообразить Валентин и в ужасе бросился вниз. Брус треснул и с грохотом полетел вниз, крышка отвалилась, и на чердачной лестнице показались ноги преследователя. Валентин заметался по первому этажу. Наружу выходить нельзя, так он их приведет к Михалычу. Он заскочил на кухню. В окно? Нет, в окно тоже нельзя. Значит, придется драться. Он выдернул ящик из тумбы и вывернул его содержимое на пол. Ножи — как раз то, что нужно Валентину. Он схватил самый большой тесак и, прыгнув к двери, прижался к стене рядом с входом. Он рубанул что есть силы, слева направо, едва заметив скошенным взглядом, как в проеме появился преследователь. Разрубая упругие ткани живота, тесак погрузился в мягкое чрево врага. Враг завыл, застонал, завопил, мягко заваливаясь назад, на спину и освобождая смертельную сталь для нового удара. Валентин вновь отвел назад руку тесаком, с которого стекала черная кровь, и изготовился для нового удара.

Но второй преследователь не был столь беспечен. Он учел ошибку своего товарища и не вошел, а вкатился в кухню кубарем, проскочив под Валентиновым тесаком. Он тут же вскочил на ноги, приняв боевую стойку, и принялся озирать-

ся по сторонам в поисках оружия. Ножи, высыпанные Валентином на пол, были далеко, в другом конце кухни. Валентин поймал его взгляд и, прыгнув от двери на середину кухни, преградил ему путь. Выставив перед собой тесак, стоя на полусогнутых, напружиненных ногах, он внимательно следил за каждым движением соперника. Да, он был вооружен, но соперник был больше, массивнее и, судя по всему, существенно сильнее физически. Не говоря уже об опыте и мастерстве рукопашного боя. Последний раз Валентину довелось драться лет семь назад; а уж холодного-то оружия он и в руках никогда не держал. Но то, как ловко он разделался с одним из врагов, вдохновило его.

Резко бросая руку с тесаком из стороны в сторону, он осторожно, по четверть шажочка, двинулся на противника, стараясь зажать его в угол. В какой-то момент противник дернулся, пытаясь проскользнуть налево, и открыл свой правый бок для удара. Валентин сделал выпад, уже предвкушая услышать треск разрушаемой плоти, но противник захватил его руку и, заворачивая ее назад, локтем нанес ему удар в челюсть. Валентин потерял равновесие и стал заваливаться назад, а противник дождал его правую руку, вонзив тесак Валентину в бок. Валентин покатился кубарем, вскочил на ноги и сгоряча, еще не чувствуя боли, попытался вытянуть тесак из своего тела. Тут-то он и почувствовал, что такое адская боль. Из последних сил он заскочил за обеденный стол, как бы отгораживаясь им от врага. А тот, глумливо ухмыляясь, неторопливо, фланирующей походкой приближался к Валентину.

Стук в окно. Обернувшись назад, сквозь мутное, давно не мытое стекло Валентин узрел смутный абрис человеческого лица. Это Михалыч. Он что-то кричит и тычет пальцем вверх, указывая Валентину на подвесной шкафчик. Превозмогая боль, почти теряя сознание, Валентин потянулся к шкафчику, открыл дверку. Пистолет. Он схватил его. Противник прыгнул через стол. Валентин трижды нажал на спусковой крючок, и черную тушу силой выстрела отбросило к стене. Валентин уронил пистолет, ноги его подкосились, и он мягким кулем свалился на пол.

«Валя, Валя, Валентин! — Это Михалыч. Он колотит костяшками пальцев в стекло и орет что есть мочи. По крайней



мере, Валентин теперь его слышит гораздо лучше. — Вставай, не смей лежать! Возьми пистолет!»

Валентин послушался его и, взяв в руку пистолет, встал на четвереньки. Как же у него все болит! Кажется, в теле не осталось ни единой клеточки, которая не стонала бы от рвущей ее на части боли. Он подполз к поверженному врагу. «Стреляй в голову!» — слышится крик Михалыча. Валентин приставил пистолет к черной голове и нажал на спуск. Голова дернулась, и тут же враг начал таять, уменьшаться в размерах, превращаясь в струйку едкого черного дыма, устремившегося вверх. «Ищи второго!» — И Валентин пополз, подчиняясь команде. За кухонной дверью — черный кровавой след. Валентин пополз вдоль него, пачкая колени и кисти рук в этой мерзкой, черной, липкой крови. Второго он нашел у лестницы, ведущей наверх. Он так же выстрелил ему в голову, и тот так же истаял черной дымной струйкой на глазах у Валентина. «Быстрее, Валя, быстреей на выход, пока они еще кого-нибудь не послали!» — услышал он тревожные крики.

Валентин дополз до входной двери, ухватился за ручку и, подтянувшись, встал на ноги. «Пистолет, выбрось пистолет!» Ох, черт, он забыл главную заповедь слипера — ничего не тащить из того мира в этот. Отшвырнув пистолет, он открыл дверь и перешагнул через порог. «Скорее закрывай дверь!» Валентин прислонился к ней спиной, и она под его весом захлопнулась, звонко шелкнув замком. Теперь никто сюда следом за ним не просочится. Валентин сделал шаг навстречу Михалычу и рухнул наземь, теряя сознание.

— Вентиляция... Разряд... Вентиляция... Разряд... Есть пульс! Вентиляция! Дышит самостоятельно! Роман Михайлович, выводите его из сна.

Реанимационная суета вокруг безжизненно лежащего тела закончилась, и Валентин даже попробовал открыть глаза, повинувшись условному знаку, поданному Лобовым.

— Слава богу, — с облегчением вздохнул Лобов. — А вы молодцом, Верочка, не потеряли ни секунды. К сожалению, на этом чрезвычайная ситуация у нас с вами не закончилась.

Вера, сидящая на кушетке рядом с Валентином, подняла на Романа Михайловича изумленные глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу дать гарантий, что вслед за Валентином не просочился кто-нибудь еще. Да, я очень тщательно следил, но... Он был в ужасном состоянии... На грани. Вполне так может статься, что через десяток-другой минут здесь кто-нибудь появится по нашу душу. Готовьте носилки для Валентина, я сейчас подгоню машину к входу. На сборы у нас пять минут. Забираем компьютеры и все носители.

Через семь минут микроавтобус с красными крестами на бортах и надписью «Ambulance», миновав пост охраны, выехал с территории бывшего завода «Микродвигатель».

— Ну как он? — не оборачиваясь, громко спросил Лобов.

— Спит. Пульс в норме, давление слегка повышенное... В целом нормально, — ответила Вера. — Куда мы едем, Роман Михайлович?

— На запасную базу, — все так же не оборачиваясь, пояснил он. — Вера, ни вам, ни мне какое-то время нельзя будет появляться дома.

— Да уж... Догадываюсь. Что ж... Как говорится, нет худа без добра. Может быть, хоть теперь вы наконец-то обратите на меня внимание, — двусмысленно пошутила она.

— Что вы имеете в виду? — Роман Михайлович сделал попытку обернуться и чуть было не въехал в идущую впереди машину. — Вера, я только хотел сказать, что должен сначала убедиться, что наши противники нас не раскрыли. На это потребуется какое-то время. Наверное, три-четыре дня.

#### IV

— Тимоша, мил дружок, что же ты стоишь? Вон ребята уж на речку убежали...

Перед Сашкой стояла странно одетая тетка лет сорока пяти—пятидесяти. Это она обращалась к какому-то Тимоше. Сашка оглянулся. Рядом с ним — никого, только какие-то пацаны в паре сотен метров бегут по лугу, направляясь вниз, к реке. Значит, это она его, Сашку, назвала Тимошей. Он хотел ей ответить, что он никакой не Тимоша и какого черта, он, взрослый мужик двадцати трех лет от роду, спецназовец, старший сержант, командир отделения, должен бежать за какими-то сопляками, но в горле у него так пересохло, что раз-

бухший шершавый язык буквально прилип к небу. Сашка откашлялся, прочищая горло, но вновь не успел ничего сказать. Странная тетка шагнула к нему, весьма фамильярно взяла его обеими руками за голову и, наклонив к себе, поцеловала в лоб.

— Уж не жар ли у тебя? Какой-то ты странный сегодня... — промолвила она, с удивлением глядя на отскочившего назад Сашку. — Нигде ничего не болит? — Сашка отрицательно помотал головой. Откуда-то из бесчисленных складок широкой юбки она извлекла леденец и протянула его Сашке. — На, батюшка, петушок. Покушай. Сладкий...

Сам не зная, зачем он это делает, он взял у нее из рук красного карамельного петуха, сидевшего на гладко оструганной палочке, и лизнул его. И вкусом своим (вкусом пережженного сахара), и внешним видом петух точь-в-точь походил на те леденцы, которые в годы раннего Сашкиного детства продавали у станций метро подозрительного вида личности. Регулярно он канючил, упрашивая мать купить леденец, и столь же регулярно получал отказ. Сашка вновь лизнул приторно-сладкий леденец.

— Ну вот и молодец, — непонятно чему обрадовалась тетка. — Заболталась я с тобой, Тимоша, а мне еще с обедом хлопотать. Вон солнце уже как высоко. — Сашка задрал голову вверх — солнце действительно стояло в зените. Тетка неожиданно погрозила ему пальцем. — Но ты, батюшка, смотри, один со двора никуда не ходи, раз уж отстал от мальчишек... Не пойдешь? — Он отрицательно помотал головой. — Молодец... Поспешу я.

Она подхватила свою длинную юбку (ни дать ни взять участница фольклорного ансамбля песни и пляски в полном концертном облачении) и спорым шагом, чуть ли не бегом направилась к... Только теперь Сашка рассмотрел строение, перед которым он увидел эту странно одетую женщину. Большущий домина с крытой верандой, тянущейся по периметру всего второго этажа. На веранду ведет высокое крыльцо с шатровой крышей. Первый этаж сложен из белого камня, а второй — бревенчатый. Крыша, вся изломанная шатрами, бочками и причудливыми переходами, казалась (впрочем, как и весь дом) взятой из какой-то сказки. Справа от дома, чуть поодаль, тянулись вдоль наезженной грунтовой дороги

какие-то хозпостройки, флигеля... И тоже поставлены не как-нибудь, а с придумкой, со вкусом. Слева, километрах в полутора виднелась деревня, за деревней — лес. Дорога же от деревни, мимо дома, мимо хозпостроек бежала вниз, к неширокой речке, перебрасывалась мостом на ту сторону и терялась в большом хлебном поле.

«Какой-то любитель русской старины дачку себе отгрохал в таком чудном месте, — подумал Сашка. — Впрочем, сейчас и не такое можно увидеть. Но... Как меня сюда занесло?»

Он прекрасно помнил все события последнего времени: и последние дни армейской службы, и возвращение домой на поезде «Адлер—Санкт-Петербург», и ... Стоп! А вот домой-то он как раз и не доехал. В поезде он встретил мужика, представившегося старинным другом и сослуживцем отца. Мужик обещал ему рассказать об обстоятельствах гибели отца. Сашка позвонил матери, сказал, что на какое-то время задержится, и сошел с поезда в Москве. «А кстати, — вспомнил он, — где мой телефон?» Обнаружив, что до сих пор держит в руках леденец, Сашка, брезгливо поморщившись, отшвырнул его в сторону. Он полез в задний карман джинсов за телефоном и только тут обнаружил, что одет в длинную, чуть не до полу, хламиду без рукавов. Раздвинув в стороны полы пресловутой хламиды, Сашка внимательно оглядел себя. Белая рубашка без пуговиц и красные штаны — это, конечно, круто. Но красные сапожки с короткими голенищами и загнутыми кверху носами — это вообще жуть. Пошарив по себе руками, он наконец-то нашел карман и запустил туда руку, но вместо телефона извлек оттуда еще один липкий леденец. Этот, в отличие от только что выброшенного, был уже наполовину обсосан.

Что все это значило, было для Сашки полнейшей загадкой. Еще больше изумился он, когда из дома выбежала босая девица, одетая в длинное прямое платье, и, ухватив его за руку, со словами: «Трапезничать, батюшка Тимофей Васильевич, государыня-матушка ждут», — потащила его в дом. Она повела его через первый этаж; через кухню, подсобные помещения, потом по узкой крутой лестнице. Не столько симпатичная мордашка и гибкий, соблазнительный стан, сколько длинная (аж до самой попы), в руку толщиной коса и мелькающие из-под длинного подола голые ступни раззадорили Сашку до чрезвычайности. Он крепко сжал ладонь девицы в

своей и, резко притянув ее к себе, притиснул к стенке, жадно шаря другой рукой по ее аппетитному телу.

— Слышь, тебя как зовут-то? — хрипло зашептал он, почти касаясь губами самого ее ушка.

— Фленушкой, государь, — так же шепотом ответила она.

В ее глазах не было ни испуга, ни возмущения. А вот удивление Сашкиными действиями прямо-таки читалось на ее простодушной мордашке. Огорошенный такой реакцией, Сашка несколько ослабил натиск, сообразив, что в данной ситуации он больше похож на насильника, чем на нежно влюбленного, пытающегося добиться расположения у объекта своей страсти.

— Слышь, Фленушка, ну его, этот обед. Пойдем лучше к тебе. — Долгие месяцы армейской службы отразились-таки на Сашкиных способностях к общению с противоположным полом. Прорываться к цели он теперь мог только кратчайшим путем.

— Что вы, батюшка, что вы... Нельзя обед пропускать. Матушка вас заругает. Да и меня Манефа-ключница приберет... — зашептала она. — Я лучше сегодня ночью к вам сама приду.

Обнадеженный ее обещанием, Сашка попытался сорвать с ее губ поцелуй, но лишь мазнул губами по румяной, как персик, щечке. Фленушка увернулась и потащила его за руку наверх.

Большую часть комнаты, в которую они вошли (дверной проем был так низок, что Сашке пришлось пригибаться), занимал длинный, покрытый скатертью стол. Во главе стола сидела нестарая еще, властного вида женщина. Рядом с ней — девчушка и пацан — погодки, совсем мелкие. Чуть поодаль, прямо напротив двери, — парень лет двадцати пяти с русой ухоженной бородкой и девчонка где-то тех же годов. Полузгляда на нее было достаточно, чтобы определить ее место в здешней иерархии — невестка. Фленушка споро перекрестилась на красный угол и поклонилась в пояс. Сашка на автомате (значит, в этой игре такие правила) повторил за ней, лишь в пояс кланяться не стал, а всего лишь учтиво склонил голову.